

ГОД ШОЛОХОВА

“Я с грустью разочаровываюсь в людях...”

Культура. — 2005. — 19-25 мая. — 15

В 1969 году Михаил Шолохов предложил газете “Правда” очередную главу из романа “Они сражались за Родину”, в которой речь шла о репрессиях 1937 года и о судьбе генерала Лукина (в романе Стрельцов), репрессированного в 1937 году.

Главный редактор “Правды” М.Зимин послал текст М.Суслову — “по-советоваться”.

Суслов потребовал убрать из текста все сцены, связанные с репрессиями. Шолохов отказался и написал письмо генсеку Л.Брежневу. Тот долго уклонялся от встречи с писателем, а когда она состоялась, поддержал Суслова.

Править текст Шолохова было поручено зам. зав. Отделом культуры ЦК КПСС Ю.Мелентьеву. Вскоре глава без согласия автора была опубликована.

Можно только догадываться о той драме, которую пережил писатель, в свое время отказавшийся от переработки третьего тома “Тихого Дона” и три года боровшийся за право напечатать его в первоизданном виде. А ведь тогда Шолохов был уже лауреатом Нобелевской премии и героем Социалистического труда. Этот самый титулованный писатель страны никогда не пользовался ни любовью властей, ни поддержкой коллег.

Публикация первых двух книг романа “Тихий Дон” в 1928 году произвела сильное впечатление на литературный мир столицы: ошеломляли и масштаб таланта молодого писателя, и бесстрашная правдивость. Шолохов был независим от любого начальства. Свою независимость он ценил и берег. И никому не позволял помыкать собой. Даже Сталину. Как известно, Сталин советовал сделать Григория Мелехова большевиком. (Очевидно, что такой финал романа превратил бы самое выдающееся произведение XX века в стандартное повествование о триумфальном становлении власти большевиков в России.) “Я очень хотел и уговаривал Григория”, — ответил Шолохов, — “да он не хочет вступать в партию”.

С первых же книг “Тихого Дона” началась травля Шолохова. Тогда же впервые возникли и измышления о плагиате.

Он пишет из Москвы письмо жене в Вешки: “...Меня организованно и здорово травят... Я крепко и с грустью разочаровываюсь в людях... Гды, завистники и мерзавцы, и даже партбилеты не облагородили их мешански реакционного нутра...”

И Шолохов бежал из столицы в станицу Вешенскую, ноотрез отказался возглавить Союз писателей СССР, когда об этом зашла речь после Великой Отечественной войны в 1945 году. Ему претили интриги московской литературной элиты, он постоянно ощущал непонимание и своего творчества, и своего образа жизни.

Для собратов по перу Шолохов так и остался загадкой.

В страшные тридцатые годы он был единственным из писателей, кто посылал Сталину письма о произволе и беззаконии по отношению к крестьянству. В миропонимании гения не вмещается страх за свою судьбу. Все другие молчали.

Когда в 1937 году арестовали весь состав бюро Вешенского райкома партии и объявили их врагами народа, Шолохов добился приема у Сталина и заявил: если эти люди — враги народа, то тогда и он, Шолохов, живший с ними одной жизнью, одним стремлением, тоже, выходит, враг народа и тогда его тоже надо арестовать.

В результате все были реабилитированы и вернулись на прежнюю работу.

С большой настороженностью и всегда ревниво относились к Шолохову секретари Союза писателей СССР. Особенно раздражали их выступления Шолохова на съездах писателей и на съездах партии. Однажды не сдержался К.Федин: “Шолохов очень вредит литературе своими выступлениями... Сам давно уже перестал писать, а критикует. Нельзя шаркать на трибуне и объявлять советскую литературу “серым потоком”.

Впрочем, Шолохов и сам не очень жаловал людей из кабинетов на улице Воровского. Особенно возмущало его то, что вне критики оставалось творчество литературных “генералов”. И порой он вмешивался.

На Первом съезде советских писателей в 1934 году Шолохов слова не дали, а на трибуну съезда выпустили, чтобы... зачитать проект резолюции съезда! Ну не парадокс ли? Лучший писатель страны зачитывает проект резолюции, словно ему нечего сказать съезду о литературе!

Спустя 20 лет, в декабре 1954 года, в Москве прошел второй съезд. Нет ни Сталина, ни Берия. В опале А.Фадеев.

Шолохову дали слово лишь на седьмой день съезда на вечернем заседании. Когда объявили: “Слово имеет Михаил Шолохов”, зал встретил эти слова, как сказано в стенографическом отчете, “длительными бурными аплодисментами. Все встало”. К слову, так встретили только одного Шолохова.

Шолохов говорил не дольше других ораторов. Смелая, дерзкая, в чем-то даже на грани скандала речь Шолохова двадцать восемь (!) раз (по стенограмме) прерывалась аплодисментами. Она выделялась несмешанной ранее на подобных форумах открытой критикой состояния художественной литературы (“серый поток”) и некоторых, названных поименно литераторов (Симонов, Эренбург, Рюриков). Речь Шолохова встревала руководству Союза писателей СССР и ЦК КПСС тоже. Предполагалось, что на съезде будут говорить об успехах советской литературы и о единстве писателей, без драк и без острой критики. Так и выступали делегаты.

По-разному реагировали выступавшие после Шолохова писатели, но всех удивила резкость Фадеева. Он назвал речь Шолохова “недостойной по духу... мелкотравчатой... рассчитанной на дешевый эффект”.

Как выяснилось позже, Фадееву накануне позвонил М.Суслов: “Вы должны дать Шолохову отпор”. Он и

выступил. На следующее утро ему позвонили: “Вашим выступлением вполне удовлетворены”.

Но Шолохов думал по-своему, и все, что думал, он и высказал с трибуны съезду, чем крепко взбудоражил делегатов.

К пятидесятилетию Президиум Верховного Совета СССР наградил М.А.Шолохова орденом Ленина “За выдающиеся заслуги в области художественной литературы”. Не все писатели обрадовались высокому ордену своего коллеги. После юбилея пошла в ЦК КПСС письма-доносы. Дескать, пьет много Шолохов, злоупотребляет... и предложения: в принудительном порядке организовать лечение Шолохова.

Как рассказывал тогдашний заведующий Отделом культуры ЦК КПСС Д.Поликартов, М.Суслов поручил ему найти Шолохова и от имени ЦК строго поговорить с ним о его поведении в Москве. “Делать нечего, — вздохнул Поликартов, — пришлось ехать к Шолохову на квартиру. Когда он узнал, с чем я приехал к нему, выругал меня и выгнал. И поручение члена Политбюро мне выполнить не удалось. А Шолохов уехал в Вешки”.

В 1959 году на 3-й съезд Союза писателей Шолохов не приехал. И среди членов вновь избранного секретариата Союза писателей СССР фамилии Шолохова не оказалось. Это бросалось в глаза и вызывало у многих вопросы...

Осенью 1965 года в Стокгольме объявили о присуждении Шолохову Нобелевской премии по литературе.

И это беспрецедентное для советской литературы известие московские писатели встретили по-разному: поползли слухи, что премию Шолохову дали, мол, в обмен на исторические шведские реликвии и регалии, связанные с временами Карла XII и Полтавской битвой. И хотя нелепость подобных предположений была очевидной, его нет-нет да и упоминали в кулуарных разговорах.

Сам Шолохов отнесся к присуждению ему Нобелевской премии спокойно. Он отправил письмо в ЦК КПСС — принимать ли ему эту премию или отказаться? Как ЦК решит, так он и поступит. ЦК КПСС решил, что отказываться Шолохову от премии нет никакого резона. Спустя два года ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Впервые я увидел Михаила Шолохова 9 января 1956 года на 3-м Всесоюзном совещании молодых писателей. Его открыл в Доме культуры “Правда” секретарь Союза писателей СССР Василий Ажаев, автор нашумевшего в послевоенные годы романа “Далеко от Москвы”. Когда в президиуме появился Михаил Шолохов, зал замер, по рядам прокатилась: “Шолохов пришел!”, и все участники стоя бурно приветствовали его.

11 января на трибуну поднялся Шолохов. Его вновь встретили таким же аплодисментами, каких не удавалось ни один другой докладчик или выступавший “мэтр”.

Шолохов, похаживая на края трибуны, заговорил неожиданно просто:

— Мои друзья из нашего писательского руководства ставят меня в неловкое положение. После Константина Симонова на съезде выступать было тяжело. А вы думаете, после Ажаева здесь легче?

Зал, утомленный длинным, нудным и казенным докладом Ажаева, засмеялся, зааплодировал.

— Буду говорить с вами как равный с равными (лукавил классик! Какая уж мы были ему равная?). Когда Ажаев драг лыки далеко от Москвы, то и лапти хороши получались. А когда попробовал драть лыки на улице Воровского в Москве, то лаптишки получились не ахти какие (дружный смех, аплодисменты). Я не хочу вас чему-то учить. Скажу одно — не останетесь в литературе перестарками, пусть скорее приходит к вам творческая зрелость. Не оставайтесь до старения в детских коротких литературных штанишках, это хуже перестарков. Обнимаю вас, родные мои!

И тут же ушел с совещания. Мы устроили Шолохову долгую овацию. В кулуарах немедленно пошла гулять эпиграмма: “И кучу юных опухов с трибуны обнял Шолохов”.

Я привожу выступление Шолохова по сделанной мной записи. Когда спустя годы прочитал эту же речь в восьмом томе собрания сочинений Шолохова, вышедшего в 1960 году в Гослитиздате, удивился. Из текста исчезли упоминания о Симонове и об Ажаеве. Ирония Шолохова, видимо, не по душе пришлась литературному начальству.

В ноябре 1974 года вместе с секретарем Союза писателей СССР по оргвопросам Юрием Верченко мы поехали к Шолохову, чтобы обсудить мероприятия в честь его 70-летия в Москве. Только разместились в гостинице — звонок от Шолохова с приглашением. Пришли. Навстречу нам с кресла поднимается Шолохов. Невысокий, глаза острые, мудрые. Курит одну за другой крепчайшие французские сигареты “Галюаз”.

— Ну заходите в кабинет. Заходим в небольшую комнату на первом этаже. Шолохов сел за стол, мы расположились вокруг на стульях.

— Рассказывайте, с чем приехали? Предварительный план проведения юбилейных мероприятий он одобрил и попросил, чтобы поменьше было помпезности, поскромнее.

Разговор наш был долгим и подробным. Между делом Шолохов расспрашивал: кто я, откуда, где раньше работал, чем занимались мои родители... Когда он узнал, что отец мой — Беляев Андрей Акимович, работавший токарем на маленьком стрелочном заводе в городке Грязи, в 1937 году репрессирован, объявлен врагом народа и получил 15 лет каторги ни за что, а спустя годы был реабилитирован, Шолохов задумчиво и тихо произнес: “Значит, и тебя эта чума зацепила... А Грязи твои я знаю, не раз проезжал их поездом в Москву и обратно... Ты, можно сказать, сосед наш, почти земляк... Так что будем считать тебя казаком хутора Грязевского”.

Из юбилейных дел его особенно

Фото из архива редакции

М.Шолохов

интересовали предполагаемые ораторы на вечерне в Большом театре. Спрашивал, не объявят ли они с трибуны Григория Мелехова ополченцем, как это не раз делали ранее?

Подробно интересовался изданием сочинений. Надо сказать, что разработанный Госкомиздатом СССР план позволял решить и проблему достойного материального обеспечения величайшего писателя страны.

В Москве часть писателей отнеслась к подготовке юбилея Шолохова ревниво. Даже К.Федин, в те годы председатель Союза писателей СССР, однажды в декабре 1974 года резко высказался о юбилее Шолохова: незачем, мол, так раздувать. Тираж его изданий запланирован пять миллионов, эдак мы всю страну Шолоховым затопим. Не должно быть Шолоховского бедствия...

Буквально накануне юбилея в Париже вышла пасквильная книжонка “Стремя “Тихого Дона” с поддерживающим предисловием А.Солженицына. И вновь оживились злорадные разговоры о плагиате. На этот раз речь шла о белогвардейском офицере — кубанском казаке Федоре Крюкове, умершем от тифа в феврале 1920 года.

К.Симонов был единственным, кто пошел в Ленинку, прочитал в спецхране произведения Ф.Крюкова. И по рекомендации М.Суслова дал интервью корреспонденту немецкого журнала “Шпигель”. Оно было опубликовано в сокращении осенью 1974 года.

В первых числах декабря в Москву приехал Шолохов и позвонил мне на работу.

— Привет, донской казак! (После нашего знакомства и разговоров в Вешках, где Шолохов произвел меня в донские казаки, с тех пор он так и обращался ко мне.) Мне передали, что “Шпигель” опубликовал интервью Симонова. Это правда?

— Да, интервью напечатано.

— Ты можешь завтра приехать ко мне и привезти текст?

— Конечно.

На следующий день в его квартире на Сивцевом Вражке я прочитал интервью Симонова и сказал, что “Шпигель” сильно его сократил. Вот полный текст, перепечатанный с пленки Симонова.

Шолохов внимательно прочитал его и сказал:

— Что ж, для Запада и то, что напечатал “Шпигель”, неплохо. А для нашего читателя надо бы дать полный текст.

Это интервью не напечатано у нас до сих пор. М.Суслов не разрешил перепечатать текст из “Шпигеля”, сказав, что вступать в полемику с Солженицыным по ясным для партии и советского народа вопросу мы не будем.

Шолохов остался наедине со своей обидой. И как измерить остроту переживаний Шолохова из-за холодно и мстительного “нет” главного идеолога партии, членом ЦК которой состоял и Шолохов?

Следующая встреча с Шолоховым произошла незадолго до юбилея. Он позвонил мне 14 мая:

— Привет, донской казак! Ты можешь сейчас спуститься в Управление делами ЦК? Я у Павлова (управляющий делами).

Я спустился на второй этаж, и Шолохов подробно расспросил меня о подготовке юбилейного вечера. Попросил выделить побольше пригласительных билетов для членов своей семьи, друзей и московских знакомых. Я ответил, что сколько потребуется — столько и дам.

И вдруг он задал вопрос:

— Ты успел посмотреть фильм “Они сражались за Родину”?

— Да, успел.

— И как он тебе показался?

Я ответил, что фильм мне понравился. Такого рассказа о советском

солдате в такую пору отступления у нас в кино, по-моему, еще не было. Великолепны Шукшин и Бурков! Сколько в них стойкости, достоинства, самоиронии, озорства, терпения — ну как в жизни, всего намешано. Не очень понимаю, почему военные начальники брюзжат по поводу этого фильма?

— Что ж тут не понимать? Каждый генерал хочет, чтобы его запечатлели для истории на экране. А я писал о простом солдате, не о генералах. Мне тоже фильм нравится, хотя есть и претензии. Например, неоправданные и ненужные длинноты. Но в целом у них получилось неплохо. Ты в Вешки приезжай тоже, приглашаю.

— Спасибо. Приеду непременно.

Увы, как говорится, человек предполагает, а... Накануне торжественного собрания “скорая помощь” увезла Шолохова в больницу, и надолго. Болезнь оказалась тяжелой.

Юбилейный вечер в Большом театре прошел без юбилея.

В середине июля и в сопровождении врача Шолохов уехал в Вешенскую.

Летом 1978 года Шолохов прислал мне в Москву только что вышедший в Ростовском издательстве четырехтомный роман “Тихий Дон” с надписью: “Беляеву А.А. Казаку хутора Грязевского с низким поклоном. М.Шолохов. 3.7.78”.

Мы встретились лишь через пять лет, в день его 75-летия, 24 мая 1980 года, в Вешенской. На торжественном собрании во Дворце культуры был опашен указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Шолохова орденом Ленина и второй Золотой медалью Героя Социалистического Труда.

После собрания дома у Шолохова было устроено застолье человек на 60. Шолохов сидел за столом, не вставая. Чувствовалось, что был очень взволнован.

Ровно через год я вновь побывал в Вешках. Дважды героям Социалистического Труда, по положению, устанавливались бюксты на родине. И 23 мая 1981 года, в канун 76-летия писателя, в станице Вешенской на высоком берегу Дона был открыт его бюст.

Последняя моя встреча с Шолоховым произошла 16 октября 1982 года, когда отменяли 50-летие выхода первого тома “Поднятой целины”. После торжественных мероприятий в Ростове-на-Дону Шолохов пригласил в Вешки небольшую группу (человек 15 — 20) из Москвы и Ростова на “чашку чая”.

Вид у него был утомленный, бывали минуты, когда он уходил в себя, “отключался”, словно к чему-то тревожно прислушиваясь. И вдруг опять оживлялся, включался в разговор, тихо посмеивался над шутками друзей, иногда сам шутил...

Через год, четыре месяца и пять дней Михаила Александровича Шолохова не стало. Он умер 21 февраля 1984 года.

Я не был на похоронах Шолохова, был оставлен начальством в Москве, где проводились некоторые траурные мероприятия памяти Шолохова. Но спустя две недели после смерти писателя меня вызвал секретарь ЦК КПСС Зиминян, и сказал, что есть поручение руководства ЦК КПСС съездить в Вешенскую. Поедут еще два работника Общего отдела ЦК КПСС. Ваша задача ознакомиться с домашним архивом Шолохова, поговорить с родственниками о судьбе рукописей писателя.

В Вешках нас уже ждали вдова писателя Мария Петровна, младший сын Михаил, дочери Светлана и Мария и литературный секретарь Шолохова. Я сказал им о поручении ЦК КПСС и попросил их помощи. Мария Петровна и дети подробно объяснили, какие архивные материа-

лы находятся в доме (а это были десятки тысяч писем благодарных читателей, немало было писем с различными просьбами личного характера).

Михаил Михайлович с горечью рассказал, что после того, как в “Правде” была напечатана отредактированная глава из романа “Они сражались за Родину”, отец вернулся из Москвы в сильно раздражении. И сразу же начал жечь в камине своего рабочего кабинета на втором этаже рукописи. Он сидел часами перед камином и бросал, и бросал в огонь странички своих рукописей... Когда мы с сестрой Машей попытались его остановить, он резко отчитал нас и попросил не вмешиваться. Теперь рукописей отца в доме не осталось. Все ушло в огонь.

Никакого “тайного обыска”, как написано в одной газетной статье, в доме Шолохова не было. Литературный секретарь Шолохова приносил с чердака мешки с письмами читателей, и мы в кабинете знакомились с ними.

Мы провели в доме Шолохова два дня. Уезжая, взяли с согласия родственников письмо бывшего работника КГБ И.С.Погорелова от 10 февраля 1961 года, в котором он описал, как готовился в 1938 году арест Шолохова. Ордер подписан нарком Ежов. Позже эти материалы были опубликованы в московской прессе.

В январе 1986 года я был назначен главным редактором газеты ЦК КПСС “Советская культура”. Окупившись с головой в редакторскую работу, я стал замечать, что доброго слова о Шолохове в конце 80-х годов на страницах газет и на экранах телевизоров, по-моему, просто не встречалось. Твердили о Шолохове как о сталинском “любимце”, объявляли чуть ли не придворным писателем ЦК КПСС.

И никто не вспоминал, что еще в 1965 году Александр Твардовский, главный редактор журнала “Новый мир”, в статье “По поводу юбилея” (“Новый мир”, № 1, 1965 г.) ясно и четко определил подлинное место и значение творчества Шолохова в советской литературе: “Трагизм эпопей Шолохова противостоит идеологии культа личности”. Суждение Твардовского дорогого стоит.

Однако странная манера утверждать, что говорящему или пишущему не известен якобы подлинный автор “Тихого Дона”, но сам роман он ценит выше других в XX веке, стала считаться чуть ли не хорошим тоном.

Вот выступает по телевидению Лидия Либединская и говорит, что “XX век оставил великие литературные произведения Булгакова и “Тихий Дон”. И, пожимая плечами, продолжает: “Правда, я не знаю, кто его написал, но это великое произведение”.

Вот бывший тележурналист Евгений Киселев в программе “Апокриф” заявляет: “Я в детстве прочитал “Тихий Дон”. Я не знал тогда о плагиате, но кто бы его ни написал, все равно это великая вещь”.

Не перестаю удивляться безответственности людей...

Все эти годы дикий свистопляски вокруг “Стремени “Тихого Дона” сам Шолохов не считал возможным вступать в полемику.

Он не забыл, конечно, что оставил папки с рукописями 1-й и 2-й книг “Тихого Дона” в семье своего московского друга писателя Василия Кудашева (Лев Колпадный нашел рукописи Шолохова именно в семье Кудашевых, и теперь они в ИМЛИ им. Горького). Однако не посчитал нужным объявить это. Значит, были у него причины, в которые он не захотел посвящать никого. Это его право.

Борьба за Шолохова продолжается. Но наветы рано или поздно забудутся. А в истории останутся роман “Тихий Дон” и его создатель Михаил Александрович Шолохов.

Альберт БЕЛЯЕВ